

резъ который приняли въ себя не малое число даже греческихъ словъ. Исключеніе остается за нѣмецкимъ языкомъ, какъ самостоятельнымъ; а попробуйте исключить и изъ него всѣ взятыя нѣмцами латинскія и греческія слова,—и вы увидите, какъ страшно обидѣтъ онъ. Вмѣстѣ со словами искаженнаго латинскаго языка тевтонскіе варвары взяли отъ римлянъ тѣ понятія, тѣ идеи, которыя могла породить и развить только гуманическая классическая древность, и которыя не могли бы инымъ путемъ достаться варварамъ. Отъ этого, напримѣръ, французскій языкъ такъ богатъ словами, которыя заключаютъ въ себѣ философскій смыслъ, и которыя, несмотря на то, употребляются въ самомъ простомъ житейскомъ разговорѣ: «Субъектъ, объектъ, индивидуумъ, индивидуальный, абсолютный, субстанція, субстанціональный, конкретный, универсальный, абстрактный, категория, рационализмъ, рациональный, обскурантизмъ, индифферентизмъ, спеціальный, спеціализмъ, коллизія»; всѣ эти слова считаются у насъ книжными, смѣшными и дикими и навлекаютъ на себя глумленіе невѣждъ, если употребляются и не въ разговорѣ, а въ разсужденіяхъ объ умственныхъ предметахъ. Оно отчасти и понятно: ихъ не было въ русскомъ языкѣ, потому что въ русской цивилизаціи до Петра Великаго не было выражаемыхъ ими понятій; а во французскомъ языкѣ они существуютъ какъ весьма обыкновенныя слова: «l'objet, le sujet, l'individu, individuel, l'individualité, absolut, la substance, substantiel, concret, universel, l'universalité, abstrait, la catégorie, le rationalisme, rationel, l'obscurantisme, l'indifférentisme, le spécialisme, la collision»... Такихъ словъ мы не перечли здѣсь и сотой доли. Всѣ такія слова мы поневолѣ должны брать цѣликомъ у иностранцевъ; многія изъ нихъ совершенно обрусѣли и мы такъ привыкли къ нимъ, что какъ будто и не считаемъ ихъ за чужія: «коммерція, монополія, манифестъ, декларація, прокламація, инстинктъ, фабрика, мануфактура, брильянтъ, поэзія, проза, музыка, гармонія, мелодія, администрація, губернія, мастеръ, мастерство, маляръ, кучеръ, солдатъ, офицеръ и пр., и пр., и пр. Такихъ словъ мы не исчислили здѣсь и тысячной доли. Многія изъ иностранныхъ словъ удачно переведены на русскій языкъ и молучили въ немъ право гражданства: «правительство, промышленность, предметъ, личность (не оскорбленіе, apersonnalité), дѣйствительность, любезность, воспроизведеніе (reproduction), вліяніе, отношеніе, заключеніе (conclusion), изложеніе (exposition)», и пр. Нечего уже говорить, что чрезъ столкновеніе русскаго ума съ доселѣ

Соч. Бѣлинскаго. Т. IV.

чуждыми ему идеями русскій языкъ стать богаче словами, которыя умножились этимологическимъ производствомъ для выраженія оттѣнковъ уже существовавшихъ понятій. Такимъ образомъ произошло неисчислимое множество словъ въ родѣ слѣдующихъ: «враждебность, количественность, творчество, знаменитость (въ смыслѣ славнаго чѣмъ-нибудь человека, célébrité), множественность, письменность, сладостный, принадлежность, влюбчивость, грамотность» и т. п. Но, несмотря на то, во французскомъ языкѣ остается множество словъ, въ значеніи которыхъ мы не можемъ не нуждаться, но которыхъ въ то же время не можемъ перевести (потому что у насъ нѣтъ соотвѣствующихъ имъ словъ), ни взять цѣликомъ (потому что они какъ-то не вошли сами въ нашъ языкъ). Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ мы поневолѣ мѣшаемъ въ свой русскій разговоръ, къ величайшему неудовольствію пуристовъ, которыхъ ограниченность не видятъ въ нихъ нужды; таковы: «compromettre, solidarité, alternative, charité, exagérer, se prononcer, pretendre, conception, garantir, garantie, exploiter, initier, initiation, initiative, varier, remonter, prépondérance, chance, camaraderie, association, attribut, étaler, détailler, assortir, revanche» и пр. (компрометтировать, экскажировать, прононсироваться, претендовать, концепція, гарантировать, эксплуатировать, варіировать, ремонтировать, препондерансъ, шансъ, ассоціація, атрибутъ, этилировать, детализировать, сортировать, реваншъ). Нечего говорить о богатствѣ французской фразеологіи, о гибкости французскаго языка, способнаго на выраженіе всевозможныхъ тонкостей и оттѣнковъ мыслей. Выписанныя нами выше слова важны еще и по опредѣленности, съ какой выражаютъ они заключенное въ нихъ понятіе: поэтому многія изъ нихъ можно бы перевести, да только переводъ будетъ неточенъ—то же, да не то. Такъ, напримѣръ, „charité“ можно перевести словомъ «милосердіе», а будетъ не то, схвачено понятіе, но потеряны нѣкоторыя оттѣнки его; étaler—выставлять, раскладывать на показъ—опять близко, но не то, „revanche—возмездіе“: похоже, а не со всѣмъ! Вотъ почему французскій языкъ не у однихъ у насъ въ такомъ употребленіи. Можно быть въ немъ не слишкомъ сильнымъ—и, несмотря на то, подлинникъ хорошаго французскаго сочиненія понимать лучше, нежели превосходный переводъ его по-русски. Писать по-русски письма—просто мученіе: фраза выходитъ тяжела, пахнетъ грамматикой и семинаріей, обороты неуклюжи. Пишете, мараете—и кончите тѣмъ, что сразу напишете по-французски—и выйдетъ хо-